

ИНТЕРВЬЮ 04.03.2019

Эрозия германо-американских отношений

С расхождениями в интересах жить можно, а с расхождениями в ценностях – нет, считает Метин Хакверди, считает Метин Хакверди

Читайте это интервью на немецком / английском языке

Объявив режим чрезвычайного положения, Дональд Трамп наградил Соединенные Штаты еще и грандиозным конституционным кризисом. На какой же отметке находится нынче градус американской демократии?

Ситуация, которую я назвал бы крайним обострением противоречий, не является совершенно новой. Еще до выборов Трампа в политических лагерях прослеживалась тенденция к обострению противостояния в институциях страны, а также в политических настроениях, которое позволило бы извлечь пользу из такой поляризации и достичь максимально возможного уровня мобилизации своего электората. К тому же давно известен и тот факт, что многие американцы воспринимают нынешнее развитие событий как еще одно доказательство развала Вашингтона.

Новым стало то, что мистер Трамп позиционирует себя в качестве третьего игрока и говорит: «Я нахожусь над институциями и подвергаю критике институции либеральной демократии как таковые». Едва вступив в должность президента, во время первой встречи с представителями обеих палат, большинство в которых принадлежало республиканцам, он произнес следующую, на мой взгляд, характерную фразу: «От имени народа я веду переговоры с конгрессом о деньгах американских налогоплательщиков». Она свидетельствует о ходе его мыслей. Итак, конституционный кризис? Да. Но он, собственно, наступил с момента попыток президента при первой же удобной с его точки зрения возможности по-новому смешать политические карты в отношениях между институциями для

поддержания собственного нарратива – личного противостояния элитам. Последним поводом такого рода стала как раз стена на границе с Мексикой.

Можно ли в условиях этой столь затянувшейся тенденции полагаться на способность демократии к самоисцелению?

Полагаю, что ни в США, ни в других демократических странах не существует подобной способности к самовосстановлению. Ничто не происходит само по себе. Состояние, в котором находится демократия, – это результат множества мелких ежедневных индивидуальных решений личностей и институций. Мы нуждаемся не в уповании на самоисцеление, а в чувстве ответственности. Ведь все мы находимся в одной лодке. Естественно, речь прежде всего о самих американцах, об их институциях, конгрессе, депутатах, федеральных штатах, экономике и самом избирателе наконец, однако это касается и нас, международных партнеров. Это означает, что мы должны постоянно приглашать Соединенные Штаты к диалогу, постоянно подталкивать их к участию в мультилатеральной системе кооперации. Ми не имеем права просто расслабиться и сказать себе: «Да американцы и сами управятся со всем этим».

Согласно последнему опросу некоммерческой организации «Атлантический мост», 85 процентов немцев отрицательно оценивают отношения с США. Лишь 13 процентов желают более тесного сближения. Одновременно Трамп делает ставку на лозунг «Америка превыше всего». Не разваливается ли тем самым, попросту говоря, то, что Вилли Брандт назвал некогда частями единого целого?

Эта статистика подтверждается и позицией большинства людей из моего окружения. Мы становимся свидетелями эрозии германо-американских отношений. Но и у нее длинная предыстория: достаточно вспомнить войну в Ираке, сирийскую катастрофу, постоянное углубление поляризации в Альянсе и увеличение расходов на НАТО всеми государствами – членами этого союза как минимум до двух процентов, которое стало объектом особой критики. Именно из консервативного республиканского лагеря в США то и дело раздаются голоса: о Трампе, мол, нужно судить по его делам, а не словам. Но такое мнение ошибочно. Слова имеют огромное значение. Фраза Джона Ф. Кеннеди: «Я тоже берлинец» явно отличается от слов Трампа: «Вы мне безразличны, Америка превыше всего». Существует разница между словами Рональда Рейгана, произнесенными у Берлинской стены: «Господин Горбачев,

снесите эту стену», и тем, кто предпочитает закрыться в собственной ракушке и говорит: «Внешний мир нас не интересует».

Но речь не только о риторике. Список конфликтов интересов можно было бы продолжить. Ключевыми в нем в настоящий момент являются «Северный поток – 2» и Афганистан. Где же вообще еще сохраняется единство интересов?

Конкретные конфликты интересов не являются самой большой проблемой нашего времени. С различиями в интересах приходилось иметь дело и в прошлом. Для меня главное – общность ценностей. Я увязываю этот вопрос, например, с режимом Всемирной торговой организации или иных соглашений о свободной торговле. При этом я не придаю особого значения тому, согласимся ли мы с намерением американцев применить к отечественным предприятиям иные правила налогообложения. Все это можно понять. Но нам приходится задуматься над тем, как защитить собственную экономику от демпинговых процессов извне. Важно – и здесь мы сталкиваемся действительно с серьезным вопросом – существуют ли у нас свод норм, институция, правила игры, которых мы придерживаемся и которые позволяют сохранить единство? Есть ли у нас культура единения? Различия состоят не в расхождении между интересами. Разница заключается в том, что нынешнее американское правительство ставит под сомнение этот процесс переговоров и процесс единения.

В то же время кризис трансатлантических отношений столь же стар, как и сами эти трансатлантические отношения. Какова здесь роль того, что мы называем «враждебным отношением»? Еще Генрих Гейне презрительно назвал Америку «страной грубого господства плебса». Не связана ли иногда критика со стороны Европы с этими старыми враждебными предубеждениями?

Да, это, без сомнения, имеет место. Но это касается и иных общественных устройств, а не только США. Цитате Гейне я могу противопоставить цитату Франца Мюнтеферинга, который однажды сказал следующее: «После войны американские солдаты подарили мне шоколадку. И это не объективное мнение, но все же я – друг Америки». И это тоже часть истории. После ухода поколения освобожденных и освободителей с политической сцены необходимо задуматься, а каким же отныне должен стать наш исторический нарратив? Сделать это всем нам будет совсем непросто.

Важно именно сейчас обратить внимание и на других важных игроков, поддерживающих нашу систему базовых ценностей. Мы не ставим при этом вопрос о религиозной или этнической принадлежности, о Севере или Юге, об особом социальном положении родителей – нет, для нас важен индивидуум и баланс между ветвями власти, независимое правосудие, секулярное устройство. Все это и составляет Запад. И все это присуще Соединенным Штатам. Но особенно меня радует то, что эта западная общность ценностей измеряется не только географическими координатами, а основана действительно на сугубо ценностных ориентирах. При таком подходе в фокусе нашего внимания оказывается, например, общественное устройство в Южной Корее, на которое в нашем классическом трансатлантическом дискурсе о ценностях до сих пор пока вообще не обращали внимания. То же касается и некоторых африканских государств.

И все же возникает вопрос о конкретном отношении к этому президенту и его риторике. Бен Родс, один из наиболее близких советников Обамы, представил недавно книгу о своей работе в Белом доме. Его совет: не стоит говорить обо всем, что звучит из уст Трампа.

Интересное предложение. Стоит ли перепрыгивать через все уловки, расставленные Трампом? Возьмем, например, дебаты в демократическом лагере. Стоит ли начинать процедуру импичмента или нет? Поспособствует ли такая поляризация мобилизации собственного электората на президентских выборах или скорее окажется полезной для другой стороны? Такова внутренняя логика этого вопроса в Соединенных Штатах. В международном контексте она может быть такой же, что, впрочем, совсем не обязательно. Я полагаю, что ключевой для нас вопрос должен звучать таким образом: какими могут оказаться последствия для нашей собственной страны? В бундестаге Германии есть депутаты, открыто ратующие за Dexit, то есть выход Германии из Европейского союза. Это же просто анекдот.

А теперь к Европе: здесь нам также предстоит навести порядок в собственном доме. Нужно сначала самим утвердить у себя ценности, которых мы требуем от США, и попытаться обрести позицию Европы как сильного игрока. Это, между прочим, касается не только внешней политики или политики в области безопасности. Это в первую очередь относится к экономической, социальной политике и политике на рынке труда в Европе. Это касается политического консенсуса в вопросе о ценностях, что, мягко выражаясь, тяжело дается то одной, то другой стране –

члену ЕС. Поэтому самым главным заданием для нас остается продвижение вперед интеграции Европейского союза и сосредоточение внимания наших политиков на Европе. Мы должны, и эти слова я адресую своей партии – социал-демократам, возглавить это движение, составить себе собственную картину событий, а не зависеть от того, как их оценивают в настоящее время Пекин, Москва или Вашингтон.

Итак, Европа превыше всего?

Нет, европейские ценности превыше всего!

Вопросы задавал Михаэль Брёнинг

Метин Хакверди
Берлин

Метин Хакверди (Metin Hakverdi) – депутат бундестага, официальный представитель по связям с общественностью дискуссионного объединения по США/Северной Америке в составе фракции Социал-демократической партии (СДПГ) в Бундестаге, а также спикер фракции СДПГ в бундестаге по вопросам европейской политики.